

Илья Муромец и дочь его

А й на славной московской на за́ставы
Стояло двенадцать богатырей их святорусских,
А по ней по славной по московской по за́ставы
А й пехотою никто да не прохаживал,
На добром кони никто тут не проезживал,
Птица черный ворон не пролетывал,
А 'ще серый зверь да не прорыскивал.
А й то через эту славную московскую-то за́ставу
Едет поляничца удалая,
А й уда́ла поляничца великая,
Конь под нею как сильня́ гора,
Поляница на кони будто́ сenná копна,
У ней шапочка надета на головушку
А й пушистая сама завесиста,
Спереду-то не видать личка́ румяного
И сзадú не видеть шеи белой.
Ёна ехала собака, насмеялася,
Не сказала божьей помочи богатырям,
Ена едет прямоезжею дорожкой к стольнё-Киеву.
Говорит тут старья казак да Илья Муромец:
— Ай же, братица мои крестовьи,
Ай богатыря вы святорусьские,
Ай вы славная дружинишка хоробрая!
Кому ехать нам в роздольице чисто́ поле?
Поотведать надо силушки великою
Да й у той у поляни́цы у удалою.

Говорил-то тут Олешенка Григорьевич:
— Я поеду во роздольицо чисто́ поле,
Посмотрю на поляни́цу на удалую.

Как садился-то Олеша на добра́ коня,
А он выехал в роздольицо чисто́ поле,
Посмотрел на поляницу з-за сыра́ дуба,
Да не смел он к полянице той подъехать,
Да й не мог у ней он силушки отведати.

Поскорешенько Олеша поворот держал,
Приезжал на за́ставу московскую,
Говорил-то и Олеша таковы слова:
— Ай вы славныи богатыри да святорусьскии!
Хоть-то был я во роздольице чистом поли,
Да й не смел я к поляницищу подъехати,
А й не мог я у ней силушки отведати.

Говорит-то тут молоденькой Добрынюшка:
— Я поеду во роздольицо чистое поле,
Посмотрю на поляницу на удалую.

Тут Добрынюшка садился на добра коня
Да й поехал во роздольицо чистое поле,
Он наехал поляницу во чистом поли,
Так не смел он к поляницищу подъехати,
Да не мог у ней он силушки отведати.

Ездит поляница по чисту полю
На добром кони на богатырскоём,
Ёна ездит в поли, сама тешится,
На правой руки у ней-то соловей сидит,
На левой руки да жавролёночек.

А й тут молодой Добрынюшка Микитинец
Да не смел он к полянице той подъехати,
Да не мог у ней он силы поотведати;
Поскорешенько назад он поворот держал,
Приезжал на за́ставу московскую,
Говорил Добрыня таковы слова:

— Ай же, братица мои да вы крестовыи,
Да богатыря вы славны святорусьскии!
То хоть был я во роздольице чистом поли,
Посмотрел на поляницу на удалую,
Она ездит в поли, сама тешится.
На правой руки у ней-то соловей сидит,
На левой руки да жавролёночек.

Да не смел я к полянице той подъехати
И не мог-то у ней силушки отведати.

Ёна едет-то ко городу ко Киеву,
Ёна кличет-выкликает поединщика,
Супротив себя да супротивника,
Из чиста поля да и наездника,

Поляница говорит да таковы слова:

«Как Владимир князь-от стольнё-киевской
Как не дает мне-ка он да супротивника,
Из чистá поля да и наездника,
А й приеду я тогда во славной стольний Киев-град,
Розорю-то славный стольний Киев-град,
А я чернедь мужичков-тых всих повырублю
А божьи церкви я все на дым спущу,
Самому князю Владимиру я головú срублю
Со Опраксиёй да с королевичной!»

Говорит им старый казак да Илья Муромец:

— А й богáтыря вы святорусьскийи,
Славная дружинушка хоробрая!
Я поеду во роздольицо чистó поле,
На бою-то мне-ка смерть да не написана;
Поотведаю я силушки великою
Да у той у поляницы у удалою.

Говорил ему Добрынюшка Микитинец:

— Ай же, старыя казак да Илья Муромец!
Ты поедешь во роздольицо чистó поле
Да на тыя на удары на тяжелыи,
Да й на тыя на побоища на смёртныи,
Нам кудá велишь итти да й кúды ехати?

Говорил-то им Илья да таковы слова:

— Ай же, братьица мои да вы крестовыи!
Поезжайте-тко роздольицом чистýм полем,
Заезжайте вы на гору на высокую,
Посмотрите вы на драку богатырскую:
Надо мною будет, братци, безвременице,
Так поспейте ко мни, братьица, на выруку.

Да й садился тут Илья да на добрá коня,
Ён поехал по роздольицу чистú полю,
Ён повыскочил на гору на высокую,
А й сходил Илья он со добрá коня,
Посмотрел на поляницу на удалую,
Как-то ездит поляничищо в чистóм поли;
И она ездит поляница по чистú полю
На добрóm кони на богатырскоём,
Она шуточки-ты шутит не великии,

А й кидает она палицу булатную
А й под облаку да под ходячую,
На добром кони она да ведь подъезживают,
А й одною рúкой палицу подхватывают,
Как пером-то лебединным поигрывают,
А й так эту палицу булатную покидывают.
И подходил-то как Илья он ко добру коню,
Да он пал на бédра лошадиныи,
Говорил-то как Илья он таковы слова:
— Ай же, бурушко мой маленькой косматенькой!
Послужи-тко мне да верой-правдою,
Верой-правдой послужи-тко неизменною,
А й по-старому служи еще по-прежнему,
Не отдай меня татарину в чистом поли,
Чтоб срубил мне-ка татарин буйну голову!

А й садился тут Илья он на добра коня,
То он ехал по роздолью по чисту полю
И он наехал поляницу во чистом поли,
Поляници он подъехал со белá лица,
Поляницу становил он супротív себя,
Говорил ён поляници таковы слова:
— Ай же, поляница ты удалая!
Надобно друг у друга нам силушки отведати.
Порозъедемся с роздольица с чистá поля
На своих на дóбрых кóнях богатырских,
Да приударим-ко во палици булатнии,
А й тут силушки друг у друга й отведаём.

Порозъехались оне да на добрых конях
Да й по славну по роздольицу чисту полю,
И оны съехались с чистá поля да со роздольица
На своих-то кóнях богатырских,
То приударили во палици булатнии,
Ёны друг друга-то били по белым грудям,
Ёны били друг друга да не жалухою,
Да со всёю свóей силы с богатырскою,
У них палицы в руках да й погибалися
А й по маковкам да й отломилися.
А под нима-то доспехи были крепкии,
Ёны друг друга не сшибли со добрых коней,

А не били оны друг другá, не ранили,
И некоторого местечка не кровавили.
Становили добрых кóней богатырских,
Говорили-то оны да промеждú собой:
— Как нам силушкá друг у другá отведати?
Порозъехаться с роздольица с чистá поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударить надо в копя в муржамецкии,
Тут мы силушкá друг у другá й отведаём.

Порозъехались оны да на добры́х конях
А й во славноё в роздольицо чистó поле,
Припустили оны друг к другú добры́х коней,
Порозъехались с роздольица с чистá поля,
Приударили во копя в муржамецкии,
Ёны друг друга-то били не жалухою,
Не жалухою-то били по белым грудям,
Так у них в руках-то копя погибалися
А й по маковкам да й отломилися.
Так доспехи-то под нима были крепкии,
Ёны друг другá не сшибли со добры́х коней,
Да й не били, друг другá не ранили,
Некоторого местечка не кровавили.
Становили добрых кóней богатырских,
Говорили-то оны да промеждú собой:
— А 'ще как-то нам у друг другá-то силушка отведати?
Надо биться-то им боем-рукопашкою,
Тут у друг другá мы силушка отведаем.

Тут сходили молодци с добры́х коней,
Опустилися на матушку сыру́ землю,
Пошли-то óны биться боем-рукопашкою.
Еще эта поляничища удалая
А й весьма была она да зла-догадлива
Й учена была бороться об одной ручкé;
Подходила-то ко старому казáке к Илье Муромцу,
Подхватила-то Илью да на косú бодру,
Да спустила-то на матушку сыру́ землю,
Да ступила Илье Муромцу на белу грудь,
Она брала-то рогатину звериную,
Заносила-то свою да руку правую,

Заносила руку выше головы,
Опустить хотела ниже пояса.
На бою-то Илье смерть и не написана,
У ней правая рука в плечи да застоялася,
Во ясных очах да й помутился свет,
Она стала у богатыря выпрашивать:
— Ай скажи-тко ты, богатырь святорусьский,
Тобе как-то молодца да именем зовут,
Звеличают удалого по отечеству?

А 'ще старья казак-то Илья Муромец,
Розгорелось его сердце богатырское,
Й он смахнул своей да правой ручушкой,
Да он сшиб-то ведь богатыря с белой груди,
Ен скорешенько скочил-то на резвы ножки,
Он хватил как поляницу на косу бодру,
Да спустил он ю на матушку сыру землю,
Да ступил он поляници на белые груди,
А й берет-то в руки свой булатный нож,
Заносил свою он ручку правую,
Заносил он выше головы,
Опустить он хочет ручку ниже пояса;
А й по божьему ли по велению
Права ручушка в плечи-то остояласи,
В ясных очушках-то помутился свет.
То он стал у поляничца выпрашивать:
— Да й скажи-тко, поляница, попроведай-ко,
Ты коей земли да ты коей Литвы,
Еще как-то поляничку именем зовут,
Удалую звеличают по отечеству?

Говорила поляница й горько плакала:
Ай ты, старая баыка новодревная!
Тоби просто надо мною насмехатися,
Как стоишь-то на моей да на белой груди,
Во руки ты держишь свой булатный нож,
Роспластать хотишь мои да груди белые!
Я стояла на твоей как на белой груди,
Я пластала бы твои да груди белые,
Доставала бы твое сердце со печеней,
Не спросила бы отца твоего й матери,

Твоего ни роду я ни племени.

И розгорелось сердце у богатыря
Да й у старого казака Ильи Муромца,
Заносил-то он свою да ручку правую,
Заздынул он ручку выше головы,
Опустить хотит ю ниже пояса;
Тут по божьему да по велению
Права ручушка в плечи да остоялася,
В ясных очушках да й помутился свет,
Так он стал у поляницы-то выспрашивать:
— Ты скажи-тко, поляница, мни, проведай-ко,
Ты коёй земли да ты коёй Литвы,
Тобя как-то поляничку именём зовут,
Звеличают удалую по отечеству?

Говорила поляница й горько плакала:
— Ай ты, старая базыка новодревная!
Тоби просто надо мною насмехатися,
Как стоишь ты на моёй да на бело́й груди,
Во руки ты держишь свой булатный нож,
Роспластать ты мни хотишь да груди белые!
Как стояла б я да на твоёй бело́й груди,
Я пластала бы твои да груди белые,
Доставала бы твое сердце со печенью,
Не спросила бы ни батюшка, ни матушки,
Твоего-то я ни роду да ни племени.

Тут у старого казака Илья Муромца
Розгорелось ёго сердце богатырское,
Ен еще занес да руку правую,
А й здынул-то ручку выше головы,
А спустить хотел ён ниже пояса.
По господнему тут по велению
Права ручушка в плечи-то остоялася,
В ясных очушках-то помутился свет.
Ён еще-то стал у поляницы повыспрашивать:
— Ты скажи-то, поляница, попроведай-ко,
Ты коёй земли да ты коёй Литвы,
Тоби как мне поляницу именём назвать
И удалую звеличати по отечеству?

Говорила поляница таковы слова:

— Ты, удаленькой дородний добрый молодец,
Ай ты славныя богатырь святорусьскии!
Когда стал ты у меня да и выспрашивать,
Я про то стану тебе высказывать.
Есть я родом из земли да из Тальянскою,
У меня есть родна матушка честна вдова,
Да честна вдова она колачница,
Кóлачи пекла да тым меня воспитала
А й до полного да ведь до возрасту;
Тогда стала я иметь в плечах да силушку великую,
Избирала мне-ка матушка добра коня,
А й добра коня да богатырскаго,
И отпустила меня ехать на святую Русь
Поискать соби да родна батюшка,
Поотведать мне да роду племени,

А й тут старый-от казак да Илья Муромец
Ен скоренько соскочил да со бело́й груди,
Брал-то ю за ручушки за белыи,
Брал за перстни за злаченые,
Он здынул-то ю со матушки сыро́й земли,
Становил-то он ю на резвы́ ножки,
На резвы́ он ножки ставил супротів себя,
Целовал ю во уста ён во сахарнии,
Называл ю соби дочерью любимую:
— А когда я был во той земли во Тальянскою,
Три году́ служил у короля тальянскаго,
Да я жил тогда да й у честной вдовы,
У честной вдовы да й у колачницы,
У ней спал я на кроватке на тесовой
Да на той перинке на пуховой,
У самой ли у ней на бело́й груди.

И оны сели на добрых коней да порозъехались
Да по славну по роздольицу чисту́ полю.
Еще старый-от казак да Илья Муромец
Пороздернул он свой шатер белыи,
Да он лег-то спать да й проклаждатися
А послé бою он да послé драки;
А й как эта поляничища удалая
Она ехала роздольицем чистым полем,

На кони она сидела, пороздумалась:
— Хоть-то съездила на славну на святую Русь,
Так я нажила себе посмѣх великии:
Этот славный богатырь святорусьский
А й он назвал тую мою матку б.....,
Меня назвал выб.....

Я поеду во роздольице в чистѡ поле
Да убью-то я в поли богатыря,
Не спущу этѡй посмешки на святую Русь,
На святую Русь да и на белый свет.

Ёна ехала роздольицем чистым полем,
Насмотрела-то она да бел шатер,
Подъезжала-то она да ко белу шатру,
Она била-то рогатиной звериною
А во этот-то во славный бел шатер,
Улетел-то шатер белый с Ильи Муромца.
Его добрый конь да богатырский
А он ржет-то конь да й во всю голову,
Бьет ногамы в матушку в сыру землю;
Илья Муромец он спит там, не пробудится
От того от крепка сна от богатырского.

Эта поляничца удалая
Ёна бьет его рогатиной звериною,
Ена бьет его да по белой груди,
Еще спит Илья да й не пробудится
А от крепка сна от богатырского.
Погодился у Ильи да крест на ворота,
Крест на ворота да полтора пуда:
Пробудился он звону от крестоваго,
А й он скинул-то свои да ясны очушки,
Как над верхом-тым стоит ведь поляничца удалая,
На добром кони на богатырском,
Бьет рогатиной звериной по белой груди.
Тут скочил-то как Илья он на резвы ноги,
А схватил как поляницу за желты кудри,
Да спустил ен поляницу на сыру земля,
Да ступил ен поляницы на праву ногу,
Да он дернул поляницу за леву ногу
А он надвое да ю поробзорвал,

А й рубил он поляницу по мелкѣм кускам.
Да садился-то Илья да на добра коня,
Да он рыл-то ты кусочки по чисту полю,
Да он перву половинку-то кормил серым волкам,
А другую половину черным вѣронам.
А й тут поляници ей славу поют,
Славу поют век по веку.

*(Записано А. Ф. Гильфердингом 6 июля 1871 года в селе Кижы
Петрозаводского уезда от Трофима Григорьевича Рябинина.)*

Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года.
Изд. 4, т. т. II, 1950. М. — Л.